

Василий Водовозов

На Балканах

Василий Васильевич Водовозов

На Балканах

Аннотация

«Последнюю свою статью по поводу балканских событий, напечатанную в № 7 „Современника“, я писал, когда уже зажглась заря братоубийственной войны между вчерашними союзниками хотя еще не была потеряна надежда, что правительства балканских государств найдут мирный исход из конфликта. Но уже 17 июня загрохотали у Штипа и Генгели пушки; сперва они грохотали так сказать официальным образом, так как посланники оставались на своих постах и продолжали переговоры о соглашении...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Василий Водовозов

На Балканах

I

Последнюю свою статью по поводу балканских событий, напечатанную в № 7 «Современника», я писал, когда уже зазвучала заря братоубийственной войны между вчерашними союзниками хотя еще не была потеряна надежда, что правительства балканских государств найдут мирный исход из конфликта. Но уже 17 июня загрохотали у Штипа и Генгели пушки; сперва они грохотали так сказать официозным образом, так как посланники оставались на своих постах и продолжали переговоры о соглашении. Не прошло, однако, и недели, как война была объявлена официально (23 июня) Грецией, Сербией и Черногорией; еще через четыре дня румынские войска перешли границу Болгарии, а 3 июля турецкия войска вступили в присоединенную к болгарским владениям Фракию и подвигались к Адрианополю. Но уже 18 июля заключено перемирие, а 24-го подписан прелиминарный мир, которому, по-видимому, суждено стать и окончательным, — до новой войны, вряд ли далекой.

Война, таким образом, была очень непродолжительна, и несмотря на это, по количеству пролитой крови, по сопро-

вождавшим ее жестокостям и по роковым последствиям для принимавших в ней участие народов, а отчасти и для посторонних зрителей, она принадлежит к числу наиболее значительных и наиболее замечательных войн последних ста лет.

Время войны я пробыл в самом центре событий, в Софии и отчасти других местностях Болгарии, а также в Константинополе, и позволю себе поделиться с читателями некоторыми своими впечатлениями. Читатель, хорошо помнящий русско-японскую войну, – если только он провел ее не в Манджурии, на самом театре военных действий, – не должен по своим воспоминаниям судить о последней балканской войне. И у нас война сильно затрагивала наши интересы. Близкие люди были на войне, война обещала крупные перемены в нашем общественном строе, война тяжело отражалась на всем народном хозяйстве, о войне все говорили. И тем не менее, наша жизнь, большая часть нашей жизни, может быть, девять десятых нашей жизни, – я говорю о жизни Европейской России, – шли по своим обычным рельсам, сравнительно мало затронутые войной. Фабрики работали, крестьяне обрабатывали землю, чиновники ходили в свои департаменты, учителя и профессора учили, студенты и гимназисты учились, священники служили, торговцы торговали, железнодорожные поезда за небольшими исключениями ходили правильно, даже театры и общественные увеселения не прекращали своей деятельности.

Совсем не то в последнюю войну. Она захватила всю

жизнь населения. Я прибыл в Варну 25 июня, через два дня после официального объявления войны, и если бы я никогда не читал газет и ничего не знал о политических событиях дня, то все-таки с первого же взгляда я не мог бы не понять, что вся жизнь города, — а при дальнейшей поездке и всей страны,! — идет каким-то ненормальным ходом. Улицы довольно значительного, и летом очень оживленного курорта, были почти совершенно пусты; извозчиков, проезжающих, почти не было; пешеходов тоже очень мало; и притом без помощи всякой статистики прямо на глаз нельзя было в числе пешеходов не заметить совершенно ненормального преобладания женщин над мужчинами; сравнительно немногие мужчины были либо турки (местные жители или же пленные, теперь, после заключения мира с Турцией и до нового нашествия турок пользовавшиеся полной свободой, но еще не эвакуированные на родину), либо какие-нибудь иностранцы. Было видно, что город еще недавно переживал период строительной горячки. В нем строился большой новый вокзал, строилось также не мало новых частных домов. Все эти здания были брошены недостроенными; у одного выведен лишь фундамент, у другого полтора или два этажа, и затем каменная громада стояла мертвая и пустая, с зияющими дырами вместо окон; ни одного рабочего около. Из лавок, магазинов значительное число заколочено. Я зашел в один магазин бакалейных товаров, в котором по его видимым размерам должно было быть в обычное время несколько при-

казчиков, и увидел за прилавком всего одного гимназиста. Я вступил с ним в беседу.

– Почему вы один в таком большом магазине?

– Отец на войне, приказчики на войне; дома мать и я; мать по хозяйству, я в магазине.

– А как же вы справляетесь в таком магазине?

– Как справляюсь! На меня одного работы не хватает.

Присматриваясь к вывескам магазинов, я заметил, что магазины, принадлежащие какому-нибудь Аристиду или Фемистоклу, работали, хотя, может быть, и неудовлетворительно; заколоченными же же оказывались исключительно магазины, принадлежащие каким-нибудь Драганам и Стоянам.

В последнюю войну были призваны под знамена запасные призывов 1883, 1884, 1885 годов; младшие поколения были призваны еще раньше. Таким образом, все мужское население страны до пятидесятилетнего возраста оказалось в армии. Пользовавшиеся различными льготами по семейному или служебному положению, и даже по болезни, все те, кто до войны платил так называемую военную дань, т. е. подать, налагаемую на освобожденных от отбытия воинской повинности. Все, они за весьма немногими исключениями были привлечены к несению военной повинности, причем пользовавшиеся льготой по нездоровью обращены на различные нестроевые должности. И только иностранные подданные, главным образом, греки, – а их в Болгарии не мало, – пользовались совершенно неизбежной льготой и в силу этой

льготы оказались в привилегированном положении: в качестве торговцев они могли сравнительно бойко торговать за счет ушедших на войну конкурентов, в качестве рабочих получать повышенную, благодаря тому же ослаблению конкуренции, плату. Таким образом, мы встречаемся здесь с парадоксальным явлением: враги, с которыми ведут войну, получают премию, а болгары разоряются. Нужно заметить, что Болгария обращалась с подданными враждебных государств с совершенно исключительной культурностью: они не только не были насильственно выселены, но никаких стеснений их деятельности не ставилось. Может быть эта культурность объяснялась необходимостью сохранить при общей мобилизации хоть какие-нибудь рабочие руки, хоть какую-нибудь торговлю. Однако, ни на Сербию, ни на Грецию аналогичные соображения влияния не оказали, и как я слышал, болгарские подданные оттуда должны были убраться. Точно так же во время последней русско-японской войны японцы на русской территории не оставались.

Столица Болгарии по своему внешнему виду несколько отличалась от других городов страны. Чиновники значительного числа правительственных учреждений, функционирование которых было признано безусловно необходимым для государства, были все-таки частью избавлены от воинской повинности. Кроме того, София кишела посторонним людом: большое число турецких пленных являлись завсегдатями некоторых излюбленных кафе и ресторанов Софии.

Имелось на лицо и множество военных: офицеров и солдат, — частью несших военную службу в софийском гарнизоне или прибывших сюда по долгу службы, а частью находившихся в краткосрочных отпусках. Наконец, здесь толпилось значительное число иностранцев (служащих в посольствах, корреспондентов, иностранных торговцев и т. д.). Благодаря всем этим чуждым элементам София во время войны не выглядела обезлюденной, и в частности здесь нельзя было заметить особенного преобладания женщин; скорее наоборот. При том это население города, — частью чуждое жизни страны, частью командуемое ею, частью, может быть, даже выигрывающее от войны, все-таки не казалось таким явно пришибленным, явно несчастным, как в других местах. И тем не менее, война и на Софии лежала тяжелым, заметным гнетом.

Торгово-промышленная жизнь в Софии, как и вообще во всей Болгарии, почти совершенно приостановилась; фабрики не работали, или работали с значительно пониженным составом рабочих; торговые заведения почти пустовали, — исключение составляли весьма немногие, которые развили свою деятельность благодаря войне, или в связи с нею, — сюда, кроме различных торговых и промышленных предприятий, занимающихся поставками на армию, входят и некоторые кафе, являющиеся излюбленными местами политических бесед. В Софии, которая прекрасно оборудована городскими путями сообщения (электрическим трамваем), этот последний почти бездействовал; из пяти городских маршру-

тов действовали только два, (а в некоторые дни и один), и то с значительно пониженным числом вагонов.

Учебные заведения, как университет, так и гимназии и большая часть школ были закрыты в течение всего осеннего семестра 1912 г. В весенний семестр 1913 г. они открылись, но действовали крайне неудовлетворительно. Большая часть профессоров и учителей была на войне, значительная часть студентов тоже, а часть гимназистов, хотя и не призванная под знамена, должна была нести домашние обязанности вместо отсутствующих отцов, обязанности, фактически несовместимые с учением. Таким образом, весенний семестр также пропал для учащейся молодежи Болгарии; в начале июня (вместо обычного конца этого месяца), он был и официально закрыт.

В первые дни войны железные дороги еще действовали. Вместо нескольких,! – трех или четырех пар поездов в сутки, пускалась одна пара; она ходила с значительным опозданием, часов на 15 или более на коротком расстоянии,! – но все-таки ходила. С конца июня, когда румыны вошли в северную Болгарию, движение поездов в ней почти прекратилось. А так как румыны сочли за чем то нужным взорвать мост около Плевны, то главная её магистраль (София – Варна) оказалась испорченной на долгое время даже после заключения мира. Линия между Софией и Белградом прекратила свою деятельность на несколько недель раньше, а линия между Софией или лучше сказать южной границей Бол-

гари и Константинополем бездействовала уже за все время турецкой войны, — и не возобновляла движения и во время последней войны между союзниками. Оставалась только одна магистраль, которая не вполне прекращала свое действие за все время войны: между Софией и Бургасом (через Филиппополь и Старую Загору). Но и она действовала слабо. И это не благодаря присутствию неприятеля, — здесь страна была от него свободна, а благодаря недостатку служебного персонала, который был забран на войну.

Бездействовали по большей части и правительственные, и общественные учреждения, если только они не связаны непосредственно с деятельностью армии. Кметы (городские головы) были избавлены от военной службы, но члены управ! — нет, и кметы должны были без их помощи вести все городское хозяйство, с дополнительными очень сложными и ответственными обязанностями, возложенными на города благодаря войне. Судьи, до кассационных включительно, были по большей части на войне, и суды заседали в сильно уменьшенном составе; присутствия составлялись из стариков, перешедших предельный для военной службы возраст. Впрочем, в судебной деятельности не оказывалось и особенной надобности. Число преступлений значительно сократилось против обычного, — может быть, вследствие общего подъема, а может быть, вследствие того, что вся та активная часть населения, из которой обычно рекрутируются преступники, попала в солдаты и была связана военной дис-

циплиной. К тому же многие преступления отныне ведались военными судами (кстати, в состав военных судов вошли по большей части те же гражданские судьи, лишь переряженные в военные мундиры, и ни от одного адвоката я не слышал жалоб ни на стеснения защиты, ни на чрезмерную легкость обвинений или жестокость приговоров). Что же касается гражданских процессов, то их число было сведено почти к нулю одним важным законодательным актом, имевшим почти революционное значение, именно актом о мораториуме, который был установлен указом 19 сент. 1912 г. (за 2 недели до начала войны с Турцией) и через 4 дня одобрен народным собранием. В силу этого акта всем частным лицам, обществам и банкам давалась общая отсрочка (*moratorium*) для исполнения всех их торговых и гражданских обязательств, если только эти обязательства были приняты ими до 17 сент., и в суде нельзя было предъявить ко взысканию ни векселя, ни другого документа. В силу этого акта квартиронанимателям были отсрочены платежи квартирных денег, и домохозяин не имел права выселить неаккуратного плательщика. Сперва мораториум был принят на 3-месяч. срок, потом продлен на неопределенный срок до окончания демобилизации. Так. образом, состояние страны, когда в ней нельзя было судебным порядком преследовать за неисполнение гражданских обязательств, длилось фактически около года – с сент. 1912 по сент. 1913. Трудно себе даже представить все практические последствия такого акта для современного государства

с его огромным гражданским оборотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.